

Новая молитва родилась на губах Микеланджело.

— Господи, помоги мне остаться здесь, во Флоренции. Мне не нужна никакая почтенная государственная должность. Поддержи меня в желании подать заявку на камень Дуччо! Дай мне сил выстоять против соперников и получить заказ...

Его взгляд был устремлен в окно, мерцающий лунный свет мягко отражался в широко открытых глазах Микеланджело. Он прошептал, обращаясь к небесам:

— Аминь.

Леонардо

Леонардо лежал без сна. Растревоженные чувства бушевали в нем, метались, кидали его из стороны в сторону — так разгулявшаяся морская стихия швыряет жалкую лодчонку. Ах, как ему хотелось вырвать из сознания все эти чувства, разместить их на столе и препарировать, как труп. Тогда, должно быть, он смог бы разобраться в них, разобраться в себе.

Он посмотрел на прикроватный столик. Деревянные часы, вершина искусства германских механиков, показывали два часа утра. Он осторожно высвободил руку из-под спящего Салаи, выбрался из кровати и на цыпочках перешел в соседнюю комнату, стараясь не задеть скрипучую дверь. В холодном лунном свете угадывались остатки вчерашнего праздника: пустые винные бутылки, грязные следы башмаков на полу, кем-то забытый шейный платок, небрежно брошенный на стул. Все это бередило душу, напоминало о бесславном провале. Чертов старый сверчок-нотариус, чертовы братья-сервиты и этот неизвестно откуда взявшийся молокосос, самозванный скульптор, которого он так беспощадно высмеял, — вот бы забыть все это, вырвать из памяти.

Леонардо сел за стол, достал деревянную коробочку для сигар и откинул крышку. Там лежал коричневый трупик летучей мыши. Он бережно вынул его из импровизированного саркофага и перенес на специальный металлический поднос. В другое время он зажег бы свечи, как всегда

делает, занимаясь изысканиями, но сейчас не хотел будить Салаи. Кроме того, темнота заставит его больше полагаться на остальные органы восприятия. От мертвого тельца исходил явственный запах разложения, но почему-то к нему примешивался свежий травяной дух. Он бережно распрямил крылышки, и костяной остов тихонько затрещал. Удивительно, насколько податливы и эластичны кожные летательные перепонки — не ломаются, хоть сгибай их, хоть скручивай. Леонардо мысленно соотносил вес тельца с плотностью перепончатых крыльев, размышляя о том, что если уж это странное создание способно к активному полету, то человек тоже мог бы летать.

Из спальни донесся скрип.

Он откинулся, чтобы посмотреть на дверь, и кресло всхлипнуло под его весом. Леонардо бесшумно вытянул ногу и носком тихонько поддел дверцу стоящего возле стола узкого восьмигранного короба. Дверца открылась. Все стенки короба были зеркальными. Эту хитроумную штуковину Леонардо смастерил специально для Салаи, чтобы тот, войдя внутрь и затворив дверцу, мог рассматривать себя со всех сторон. Этот модник буквально переселялся в зеркальное нутро шкафа, когда обзаводился очередным нарядом. Леонардо подтолкнул ногой дверцу, и она заняла такое положение, при котором он мог видеть отражение спальни. Там, в темноте, проснувшийся Салаи шарил рукой в ящике прикроватного столика.

— Джакомо, — тихо окликнул его Леонардо.

Салаи тихонько опустил в карман монеты, которые только что стащил.

— Я решил, что ты пошел прогуляться.

— Ты просил, чтобы я обучал тебя. — Леонардо пинком закрыл дверцу зеркального короба. На проделку Салаи он не сердился, ведь и сам был когда-то бедным молодым человеком, которому не хватало денег даже на новую пару чулок. — Иди сюда. Садись. Будешь учиться.

Салаи пересек кабинет и склонился над остовом летучей мыши.

— Но я хочу быть живописцем, а не анатомом.

— Тот, кто одержим искусством, но пренебрегает наукой, подобен капитану корабля, выходящему в море без компаса. Он обречен двигаться вслепую. — Леонардо зажег свечу и водрузил на нос очки. — В дни

моей молодости многие церкви позволяли врачам и художникам изучать мертвые тела. Я тогда собственными руками взрезал сотни трупов. Но времена менялись... — В последние годы он обходил церковь за церковью, упрасывая святых отцов допустить его в мертвецкую, но везде встречал отказ. Настоятели двух церквей пригрозили отдать его под арест, а третий даже вознамерился изгнать из него дьявола. — Сегодня нам приходится довольствоваться лягушками, птичками да летучими мышами. — Леонардо срезал скальпелем кусочек перепонки с изгиба крыла, поднес к свече и стал разглядывать через увеличительное стекло.

Салаи отошел от стола и взял в углу роскошный бархатный плащ — подарок, полученный Леонардо от самого герцога Моро в качестве благодарности, — Леонардо тогда исполнял роль распорядителя торжеств и увеселений по случаю герцогского бракосочетания.

— Если уж вы, мастер, желаете посвятить эту ночь работе, займитесь лучше росписью для алтаря...

Не слушая Салаи, Леонардо торопливо записывал что-то в блокноте. В такие минуты новые идеи молниями вспыхивали в его мозгу, и он, не в состоянии ждать, пока высохнут чернила, царапал пером по бумаге справа налево, чтобы не размазать написанное.

— Как бы ревностно ни охраняла природа свои тайны, в конце концов она раскроет их пытливому ученику.

Салаи завернулся в плащ Моро, покрутился в нем перед зеркальным коробом.

— Кстати, я слышал, как, уходя, монахи обсуждали ваше «Поклонение волхвов».

Леонардо вновь поднес скальпель к кожаной перепонке крыла. Он был не расположен думать о братьях-монахах. Только не сегодня.

— Помнишь, я советовал тебе изучить каждый штрих на картинах Мазаччо, каждый отдельный мазок кисти, чтобы ты получил представление о том, как они складываются в единое целое? Так и в анатомии. Каждая жилка, каждая мышца и каждый волосок соединительной ткани незаменимы, ибо выполняют свою отдельную функцию...

— Они говорили о том, что уже двадцать лет прошло, а «Поклонение» все еще не завершено. Один, толстый такой, ворчал: мол, Леонардо нарочно сбежал тогда из Флоренции в Милан, дабы не заканчивать

картину. Особенно он упирал на тот факт, что ее тоже заказал монастырь и тоже для украшения алтаря. Он утверждал, что вы никогда не доводите до конца работы, заказанные церковью. — Салаи стянул ворот плаща у шеи. — И что вы вообще не веруете в Бога.

— Кстати, есть у этих зверушек одна любопытная особенность, ты должен оценить. — Леонардо снял очки — они требовались ему только для разглядывания мелких деталей, а людей он лучше видел без очков. — Да будет тебе известно, природа не установила для летучих мышей каких-либо строгих правил в отношении спаривания. Они спариваются со всеми сородичами подряд: самка с самкой, самец с самцом, самец с самкой — с любым, кто оказался рядом. Представляешь?

Салаи, рывком отодвинув соседний стул, сел рядом с Леонардо.

— Не подумайте, господин, будто я призываю вас вернуться к тому давнему заказу, к «Поклонению». Я говорю лишь о том, что нынешнюю алтарную роспись нужно непременно завершить. Выполнить заказ этих монахов. Доведете дело до финала — положите конец сплетням о том, что вы вечно бросаете свои работы на полу.

— И ведь животные так же наделены душой, как и мы, люди, — с чувством произнес Леонардо и взял руки Салаи в свои. Какие они нежные и гладкие! И все же в них ощущается настоящая мужская сила. Вот совершенная гармония молодости и зрелости. Когда Леонардо был в возрасте Салаи, никто не брал его вот так ласково за руки, не открывал ему тайны мироздания. — Животные способны испытывать радость. И боль. И притом острее и глубже людей, ибо они ближе к природе и потому более искренни, правдивы в своих проявлениях. Нам должно изучать их. Жить в гармонии с ними. Отказаться от потребления мяса. Это созвучно природе и позволит прожить дольше. Скажи, ты же хочешь прожить долгую жизнь?

— Я хочу иметь крышу над головой. А если вы не угодите этим братцам в их унылых сутанах... — Салаи выдернул свои руки из ладоней господина. — И кстати, не пора ли вам сделать несколько набросков для статуи из камня Дуччо? От этого хотя бы будет польза.

Леонардо снова надел очки.

— Знаешь, я убежден, что летательный аппарат летучей мыши являет нам наилучший образец, модель устройства, с которым когда-нибудь сможет летать и человек. Видишь, каким надежным соединительным

материалом для костей служат эти перепонки на крыльях? Изумительное, выдающееся инженерное творение природы.

— А камень Дуччо — изумительный, выдающийся заказ.

Пренебрежительным жестом Леонардо отмахнулся от Салаи.

— Содерини уже пообещал его мне. Возьми-ка вот это. — Он вложил в руку Салаи увеличительное стекло.

— Но Содерини не занимает никакого официального поста в городском правительстве.

— А Камень и не принадлежит городу, чтобы тот им мог распоряжаться. Он собственность Собора. И не стоит думать, будто без связей с властью имущими человек бессилен. Содерини сдержит свое слово. — Он слегка поправил лупу в руке Салаи. — Наклони под этим углом — будет лучше видно.

— Если этот заказ — дело решенное, зачем тогда они созывают собрание, на котором планируют определить победителя?

— Если, например, сделать в ноге человека глубокий надрез, не обязательно, что он умрет от этого. А уж если в руке, то ему и ходить ничего не помешает. Зато если проделать нечто подобное с головой или с сердцем, человек умрет почти мгновенно. Интересно, у летучих мышей тоже так?

— Откуда мне знать?

— Секрет умения летать, возможно, не связан с крылом и его строением. — Леонардо нацелил скальпель на бездыханное тельце.

Наученный Салаи сам наклонил лупу под нужным углом.

— Тот молодой скульптор, помните? Готов поспорить, что он-то доводит свои произведения до конца...

От ехидного мелодичного голоска Салаи в груди Леонардо снова разразилась утихшая было буря, внутренности будто стянуло тяжелым узлом.

— Почему бы тебе не вернуться в постель? Я тоже лягу, но попозже.

Салаи откинулся на спинку стула, держа в руках лупу. Леонардо близоруко склонился над подносом и надрезал скальпелем впалую грудную клетку распластанного зверька. Скальпель легко прошел через слой шерсти, кожу и кости.

— И знаете ли, господин, есть в нем что-то такое, в этом Микеланджело.

— Все, Салаи, с войнами и битвами покончено. Я сдаюсь. — Он раздвинул скальпелем крошечные внутренние органы. Кто знает, вдруг сейчас, достаточно углубившись, он увидит летательный центр? Он откроет секрет полетов и наконец вознесет человека в небеса.

— В нем живет страсть, так я вам скажу.

Временами Леонардо задавал себе вопрос: действительно ли Салаи находит его привлекательным или просто видит в нем эдакого любящего папашу, который балует сыночка, накупает ему горы модных тряпок и позволяет безнаказанно таскать монеты из его сундуков? Возможно, он предпочел бы этого крепкого молодого каменотеса, от которого разит потом и грязью?

— Когда-нибудь он добьется многого. Очень многого.

Леонардо вскинул голову, чтобы кивком отослать несносного мальчишку в постель, но натолкнулся взглядом на увеличительное стекло, через которое на него взирал гигантский карий глаз Салаи. Вот уж правда — дьяволенок.

— Тот молодой человек давно уже позабыт, — с деланным равнодушием проговорил Леонардо, а сам с такой силой ткнул скальпелем в тушку, что тот уперся в металл подноса. — И я больше не желаю слышать о нем ни слова.

Микеланджело

Август

Главный инспектор Управления по строительным работам при Соборе Джузеппе Вителли, приземистый крепыш с широким лицом, объявил, что конкурс на камень Дуччо назначен на понедельник 16 августа. Большинство горожан не придали значения этой новости — ведь всякий во Флоренции знал, что мрамор уже отдан Леонардо.

Микеланджело же все оставшиеся до конкурса дни работал над замыслом статуи, достойной стать частью исторического наследия Флоренции. Он штудировал историю скульптурного искусства вплоть до древнеримских времен, неустанно полировал свои инструменты,